

«НОВАЯ БЕДНОСТЬ» В РОССИИ ПОСЛЕ СОЦИАЛИЗМА

Светлана Ярошенко

Светлана Ярошенко — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес для переписки: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 9 подъезд. s_yaroshenko@yahoo.com.

Цель данной статьи — определить особенности «новой бедности» в России, появившейся после либеральных рыночных реформ 1990-х годов, выявить ключевые значения, приписываемые этому феномену сегодня, обозначить социальный контекст (условия и пределы) ее существования, а также объяснить социальный механизм ее воспроизводства.

Почти двадцать лет россияне живут без реального социализма, советской власти и распределительной системы, привязанной к рабочему месту. Россия активно включилась в гонку потребления и, согласно рекламным плакатам, становится «страной возможностей». В период десятилетия — между кризисами 1998 и 2008 годов — отчеты правительства и Всемирного банка свидетельствовали об экономической стабилизации и сокращении бедности (Минэкономразвития РФ 2010; Shaban et al. 2006: XXII)¹. Вместе с тем сохраняются бедность работающих, социальное сиротство детей из неблагополучных (нестабильных) семей и культивируется помощь «наиболее слабым».

В работе на основании материалов развернутого монографического анализа² доказываем, что основными жертвами рыночных реформ стали рабочие совет-

1 С началом глобального финансового кризиса в 2008 году ожидалось ухудшение ситуации. Но даже по самым пессимистическим прогнозам Всемирного банка, доля бедных в России на конец 2009 года прогнозировалась на уровне 15,5% (см.: Всемирный банк в России 2009: 21), а правительство обещало не сокращать социальные гарантии и сосредоточиться на защите беднейших и уязвимых слоев (Голикова 2010). Результаты пока что превосходят ожидания. По данным министерства экономического развития РФ, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума на конец 2009 года составила 13,8% против 13,1% в 2008 году. И хотя Госкомстат РФ на момент написания статьи не опубликовал окончательных расчетов, очевидно, что правительству удалось предотвратить существенное увеличение уровня бедности. В какой мере изменился и еще изменится состав бедных — тема отдельного исследования.

2 Об этом методе см. сноску 10.

ской промышленности. Именно они испытали последовательную нисходящую мобильность, ощутили резкое изменение статуса и оказались в числе «слабых» ресурсных групп, чьи внутренние резервы и возможности домохозяйства (семейной солидарности, домашней экономики) оказались недостаточными, чтобы длительное время компенсировать издержки перестройки сферы оплачиваемой занятости и прежней распределительной системы.

В статье также доказывается, что постсоциалистическая трансформация вписывается в общие глобализационные процессы: сворачивание промышленности, расширение сферы услуг, феминизация рабочей силы, сокращение возможностей для мужской части рабочего класса, фрагментация способов выживания на фоне сворачивания системы социальных гарантий. А «новая» бедность формируется за счет длительного выпадения из распространенных и общепринятых стандартов жизни «жертв» рыночной экспансии.

ФЕНОМЕН(ОЛОГИЯ) НОВОЙ БЕДНОСТИ: МЕЖДУ ОБРАЗОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Рассуждения о новой бедности в России появились практически сразу после серии неолиберальных рыночных реформ начала 1990-х годов, призванных вернуть советскую страну на капиталистические рельсы и разрушить систему государственного распределения. Как правило, академические дебаты шли вокруг изменений в составе бедных и соответственно в природе бедности при переходе от распределительной экономики к рыночной. Позиции, занимаемые в диспуте, во многом определялись отношением к рынку и проводимым в стране преобразованиям, согласно которым бедность была необходимым следствием рыночного развития.

Специалисты Всемирного банка — активные сторонники свободного рынка — одними из первых попытались разграничить «старых» и «новых» бедных, сравнивая тех, кто был бедным уже в советское время, с теми, кто оказался в числе нуждающихся в переходный период. В своем стремлении доказать преимущества рыночной системы над распределительной они пытались показать, что бедность существовала уже и в Советском Союзе и была связана преимущественно с высокой иждивенческой нагрузкой в семье, а также с низкими заработками взрослых членов семьи. Так, по мнению Джинин Д. Брейтуейт, в конце 1990-х годов новые бедные составляли те же социально уязвимые группы, что и старые бедные: многодетные и неполные семьи, а также занятые на низкооплачиваемой работе, в большинстве своем женщины (Бедность в России 1998: 43–66). На мой взгляд, избыточный экономизм и политическая ангажированность авторов мешали учитывать в анализе сущностные различия систем, что осложняло выявление новой бедности.

И все же приметы нового были обнаружены: значительное увеличение числа обедневших семей с детьми, распространение бедности на работающих и семьи, затронутые безработицей (Бедность в России 1998: 43–66). Увеличение доли работающих бедных объяснялось трудностями перехода к рынку. Предполагалось,

что с экономическим ростом данная проблема будет преодолена (Фоули 1998: 103). Считалось, что в перспективе ведущими причинами нужды станут нестабильная позиция на рынке труда и высокая иждивенческая нагрузка. Таким образом, исследователям этого направления все же пришлось признать, что *структура бедных после социализма изменится*, станет схожей с той, что существует в развитых индустриальных странах, *и будет связана с появлением безработицы и неполной занятости* (Брейтуейт 1998: 61–73), не присущих советскому обществу.

Однако в современных отчетах Всемирного банка подчеркивается, что, несмотря на то что экономический рост значительно³ сократил число бедных, среди них по-прежнему преобладают городские семьи с детьми, в которых взрослые, как правило, заняты в сфере услуг, системе образования, культуры и здравоохранения (Shaban et al. 2006: XXV). Таким образом, надежды на «универсальное» действие свободного рынка не подтвердились и «новые» бедные, судя по материалам отчетов, не могут преодолеть свою бедность с помощью доступной им работы.

К похожему заключению пришли и некоторые российские социологи. К примеру, Наталья Тихонова (2003: 88) отметила, что «новые бедные» России — это вполне обычные домохозяйства, которые раньше вели такой же образ жизни, как основная часть общества, но сейчас «выпали» в бедность, и большинство «новых» бедных составляют «белые воротнички», работающие в бюджетной сфере. В свою очередь, «старые» бедные — это представители домохозяйств, которые и в дореформенное время принадлежали в России к бедным слоям населения, хотя глубина их бедности была, конечно, в большинстве случаев иной. Таким образом, «старые» бедные — это многодетные семьи, матери-одиночки с маленьким ребенком или более чем с одним ребенком школьного возраста, семьи опустившихся алкоголиков, инвалиды. Среди «старых» бедных шире представлены рабочие, в том числе неквалифицированные (Там же).

Действительно, появление «белых» воротничков среди бедных — это новая черта, не свойственная советскому обществу, как, впрочем, и развитому капиталистическому. Однако вызывает сомнение, что рабочие в советское время были бедны⁴, а потому сомнительно их отнесение к «старым» бедным.

3 Согласно данным официальной статистики, доля бедных с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения снизилась почти в два раза: с 29% в 2000 году до 14,4% в 2007 году. См. раздел «Население / Уровень жизни» на сайте Госкомстата РФ: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm

4 Советском Союзе социальное пространство было маркировано с точки зрения значимого вклада в реализацию государственных задач по индустриализации, наращиванию валового национального продукта и обеспечению экономического роста. Гласно или негласно существовал перечень привилегированных позиций, отличавшихся набором и количеством *распределяемых* благ. В привилегированном положении оказывались, например, районы Крайнего Севера, где для привлечения кадров обеспечивался высокий уровень жизни, гарантировались жилье и бесперебойное снабжение дефицитными товарами. Самые высокие заработки были в промышленности, строительстве и транспорте, где трудились около половины занятых советских граждан. К числу малооплачиваемых относились здравоохранение, образование и культура (СССР в цифрах в 1987 г.: 196–199). И в целом доходы учителей и врачей были ниже того, что получали инженерно-технические работни-

Еще один образ новой бедности и сценарий ее развития в постсоциалистических странах Европы, в том числе и в России, представил коллектив социологов под руководством Ивана Селеньи⁵. Они отметили, что новизна бедности в условиях трансформации в первую очередь заключается в изменении ее природы: из феномена жизненного цикла и временного явления она становится постоянной и передаваемой из поколения в поколение. Ее детерминантами становятся уже не предписанные (социально-демографические), а достигнутые характеристики, такие как образование (Szelényi and Ladanyi 2000). Именно уровень образования определяет теперь положение на рынке труда: например, риск безработицы, а значит и бедности. В таком подходе признается новое качество нужды, связываемой с ограниченным объемом культурного капитала и новыми, *классовыми*⁶, принципами структурирования социального неравенства: чем ниже уровень образования, тем ниже классовая позиция и глубже бедность. И наконец, выдвигается предположение, что экономический рост не является панацеей от бедности, что лишь с формированием системы социального обеспечения, которая бы корректировала рыночный произвол, возможны сокращение бедности и предотвращение ее консервации.

Для объяснения перспектив формирования застойной (постоянной) бедности разработана *концепция «классификационной борьбы»*, согласно которой воспроизводство бедности в рыночных обществах связано с механизмами феминизации и этнизации / расизации (Emigh et al. 1999: 1–32). По мнению исследователей, их действие проявляется двояко. С одной стороны, женщины или представители малых этнических групп (например, цыгане) преобладают среди бедных, что является необходимым, но недостаточным условием для запуска данных механизмов. С другой — они начинают действовать, как только бедность признается отличительной чертой данных групп, то есть становится их приписанной (ascribed) характеристикой. С этого момента вступает в силу процесс превращения культурных особенностей, основанных на социальных различиях, в особенности, обусловленные физическими свойствами. Различия между бедными и небедными фиксируются и воспринимаются как естественные, а не социально обусловленные, что становится источником постоянства бедности (Ibid: 10).

Таким образом, гендер и этничность рассматриваются в качестве ключевых факторов формирования андекласса (постоянной бедности) в силу их активного использования классификаторами и классифицируемыми в совместном конструи-

ки или рабочие высокой и даже средней квалификации (McAuley 1979: 311). Но следует подчеркнуть, что любая, даже неквалифицированная и малооплачиваемая работа позволяла жить безбедно, а неравенство в стране реального социализма было значительно ниже, чем в капиталистических странах (Ярошенко 2005).

5 Иван Селеньи — профессор социологии Йельского университета США, известный своими исследованиями неравенства в социалистическом обществе (Szelényi 1978).

6 В данном случае имеются в виду классы в веберовском, а не марксистском понимании: социальные слои, имеющие низкие жизненные шансы на рынке из-за отсутствия собственности или низкого уровня образования и других признанных обществом умений, занимают низшую классовую позицию.

ровании непривилегированной социальной позиции. И, если следовать концепции «классификационной борьбы», развивающей теории социальных классификаций Макса Вебера, Пьера Бурдьё и других ученых (Weber 1978: 387–393; Bourdieu 1991: 221), экономический рост никак не может повлиять на сокращение бедности. При этом действие механизмов этнизации и феминизации выше в таких странах, как Венгрия, Польша, Словакия,двигающихся к рынку неолиберальным курсом, а не таких «патримониальных», как Россия, Румыния или Болгария, где влияние классификаций тормозится вмешательством государства и патрон-клиентских отношений (Emigh et al. 1999: 4–12).

Два противоположных взгляда на новую бедность в целом задают рамки дискуссии в академическом сообществе. Для сторонников нерегулируемого рынка и либерального курса «новизна» бедности заключается в ее временном распространении на работающих. «Родимые пятна» социализма — государственного вмешательства в экономику — по их мнению, все еще отягощают ситуацию занятых в бюджетной сфере и сельском хозяйстве⁷. Однако экономический рост со временем позволит преодолеть и эти сложности. Либеральные линзы сторонников данного подхода мешают увидеть классовый характер бедности, а также неизбежность поляризации в условиях нерегулируемого рынка. Позиция наемных работников, не обладающих особыми профессиональными навыками, организационным или культурным капиталом, оказывается наиболее уязвимой в отсутствии целенаправленной социальной политики, выравнивающей возможности их заработка.

Другая, более скептическая позиция в отношении неограниченных возможностей рынка — в том числе в странах, переживающих постсоциалистическую трансформацию, — связывает новизну бедности с формированием постоянных бедных (андекласса) посредством классификаций и институциональных практик, задающих достаточно жесткие границы между бедными и небедными. Эта точка зрения представляется более убедительной. Она согласуется с логикой капиталистического развития в целом и постиндустриального развития в частности: в результате вмешательства социальной политики и изменчивости социальных условий любая позиция, в том числе бедность, становится нестабильной и конструируется реактивным поведением. Однако последующая аргументация слабо увязывается с тем, как в этом процессе участвуют «классификаторы» и «классифицируемые». В частности, неясно, каким образом политики идентификации участвуют в структурировании социального неравенства, как разные основания (класс, гендер, этнич-

7 Существуют разные точки зрения на природу межотраслевого неравенства в оплате труда (см., например, Овчарова 2007). В данном случае я ссылаюсь на позицию, скрывающую за либеральной риторикой негативное влияние нерегулируемого рыночного реформирования на положение неконкурентоспособных отраслей. Несмотря на экономическую стабилизацию, в 2007 году покупательная способность средней заработной платы, то есть ее соотношение с установленным прожиточным минимумом, в сельском хозяйстве составляла 1,47, в образовании — 2,1, тогда как в добывающих отраслях этот показатель составил 6,78, а в системе управления и государственной безопасности — 4. Рассчитано по данным Госкомстата РФ о величине прожиточного минимума и заработной платы по видам экономической деятельности: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.htm; www.gks.ru/bgd/regl/b09_36/Main.htm.

ность и другие) соотносятся между собой и каково влияние социального и временного контекста на взаимосвязь «конструкта» и «реальности».

Именно о политиках конструирования новой непривилегированной позиции в практическом действии домохозяйств и государства далее и пойдет речь. Основное внимание в рассуждениях будет обращено на то, как в *постсоциалистических условиях* классовая позиция влияет на риск оказаться в числе постоянно бедных, а также на то, как политики управления нуждаемостью в государстве и домохозяйстве влияют на перспективы оказаться в числе наиболее нуждающихся и достойных помощи.

На мой взгляд, понимание роли государства и домохозяйства в компенсации недостатков рыночной системы позволит восполнить пробелы предыдущих двух объяснений. Я постараюсь ответить на вопросы о том, какой из «образов» ближе к реальности и что отличает бедность в условиях либерального реформирования распределительной экономики — в локальном социальном контексте, подверженном глобальному влиянию рыночной экспансии.

Ряд исследователей настаивает на том, что необходимо искать и другие локальные характеристики бедности в России⁸, что в каждой местности существуют свои маркеры социального дна, знание которых позволит обогатить теорию и практику социологических исследований (Бедность и гордость 2006). Несомненно, в данном подходе есть здоровое зерно и конструктивное начало, ведущее к выявлению наиболее обездоленных в конкретной местности: будь то деклассированные элементы на селе, безработные (или неформально занятые) моногородов, мигранты мегаполисов и т.п. Однако выделение и описание всех разновидностей и форм бедности может быть плодотворным только при наличии установки на понимание механизма воспроизводства бедности «постыдной».

В данной статье обобщается десятилетний опыт изучения конструирования и реального существования бедности в одном из регионов России, рассматривается то общее, что связывает эти и другие категории «исключенных», «слабо ресурсных», «наиболее нуждающихся». На примере одного случая показан социальный механизм, посредством которого эти «новые» категории вытесняются на обочину материального благополучия в качестве «других» / «чужих», не вписывающихся в логику капиталистического реформирования.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДНА: РАЗВЕРНУТОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛУЧАЯ

Автор статьи опирается на результаты исследования бедности, которое проводилось им в течение десяти лет совместно с коллегами из сектора экономиче-

8 О такой «коллективной» позиции, в частности, заявили участники регулярного вторичного Открытого семинара «Полит.ру», посвященного проблеме изучения российской бедности в рамках инициативного исследовательского проекта, который возглавляет Даниил Александров, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и директор фонда «Хамовники». Участники обсуждения (помимо представителей «Полит.ру») — Даниил Александров, Виталий Найшуль, Ирина Евсеева, Алексей Левинсон, Вячеслав Широин.

ской социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (КНЦ УрО РАН)⁹. Я начала изучение бедности в середине 1990-х годов, то есть практически одновременно с ее расширенным воспроизводством. Основной задачей изучения феномена, который еще только появлялся и кристаллизовался, было понимание механизмов его (вос)производства. Для решения задачи как нельзя лучше подходил метод развернутого монографического исследования¹⁰, который позволял фиксировать изменения в социальном контексте и предоставляемых рыночной средой возможностях, в значениях и смыслах, приписываемых материальному достатку, в стратегиях (способах) его достижения. Данный метод был дополнен сочетанием этнографических методов (детальное изучение случая) с опросами в одной точке.

На протяжении десяти лет (с 1998 по 2008 год) было проведено два лонгитюдных исследования о причинах постоянной бедности¹¹ и стратегиях занятости¹² среди официальных бедных, а также три опроса: о стратегиях выживания в 1998 году¹³, эффективности социальной поддержки в 2001–2002 го-

-
- 9 Я особо признательна Татьяне Лыткиной за участие и конструктивную критику, а также моим коллегам — Костантину Колегову, Георгию Рябинкину и Дмитрию Трофимову — за социологическое сочувствие и неоценимую помощь в проведении исследования.
 - 10 Метод развернутого монографического исследования (extended case method) разработан Майклом Буравым — профессором социологии Калифорнийского университета (Беркли, США). Он основан на принципах, альтернативных четырем «R», предложенных Джеком Катцем и ассоциируемых с позитивизмом: Reactivity, Reliability, Replicability, Representativeness (Katz 1983). Они были критически осмыслены в ходе двадцатилетней исследовательской работы Буравого в различных странах, испытывающих трансформации. Таким образом, *реактивность* (reactivity) достигается не за счет дистанцирования, а через взаимодействие с объектом исследования; *надежность* (reliability) достигается не за счет стандартизации ответов, а через интерпретацию смыслов слов и поведения индивида(ов); *повторяемость* (replicability) признается недостижимой, а потому требуется необходимость учета особенностей социальной реальности, постоянно меняющейся и контекстуальной; *репрезентативность* (representativeness) предполагает выведение теорий или научных объяснений не только из фактов, но и из реконструкции старых теорий (Буравой 1998).
 - 11 Исследование проводилось при финансовой поддержке Фонда Сороса (RSS No: 1273/1999). Проект «От достойных бедных к андеклассу: практика социального исключения в условиях переходной экономики России», научный руководитель — Светлана Ярошенко.
 - 12 Исследование проводилось при финансовой поддержке ИНТАС (INTAS-97-20280). Проект «Гендерные различия стратегий занятости в России», научный руководитель — Сара Ашвин (Лондонская школа экономики).
 - 13 Исследование проводилось при финансовой поддержке Департамента международного развития Великобритании (DIFD). Проект «Стратегии выживания, создание рабочих мест и новые формы занятости в России», научные руководители — Саймон Кларк (Центр сравнительных исследований труда, Уорвикский университет), Вероника Кабалина и Вадим Борисов (Институт сравнительных исследований трудовых отношений). Этот проект являлся составной частью более широкой исследовательской программы «Реструктурирование занятости и формирование рынка труда в России», реализуемой при финансовой поддержке британского Совета экономических и социальных исследований (ESRC).

дах¹⁴ и ценности успеха и стратегиях его достижения в 2006–2007 годах¹⁵. Уникальность полученной информации в том, что она позволяет восстанавливать смыслы и значения, приписываемые «бедности», примерять их к определенному социальному контексту, отслеживать изменения во времени и реконструировать как исследовательскую позицию, так и «кустаревшую» теорию.

СМЫСЛЫ И ЗНАЧЕНИЯ БЕДНОСТИ

Восхождение к теории было сопряжено с эмпирическим исследованием и стремлением опытным путем определить способы выпадения из ранее состоятельных групп и складывания слоя постоянно бедных, для которых нужда становилась замкнутым кругом.

Еще не классифицируемая как «застойная», бедность уже воспринималась как проблема, присущая не только «буржуазному», но и меняющемуся советскому обществу. Она объявлялась «социальной» ценой перемен в стране, движущейся в направлении демократизации и свободного рынка¹⁶. В этом движении участвовали как теоретики, продуцирующие объяснительные схемы, так и «простые» люди, оказавшиеся в сложной материальной ситуации. Споры относительно того, кто же беден или беднее, в повседневной жизни приобретали реальные очертания. И если интеллектуалы полагались на себя, реализовывая свой академический интерес, накапливали «культурный капитал», подчас с трудом сводя концы с концами, то мои информанты не хотели быть бедными, надеялись на лучшее и на правительство, которое может в скором времени обеспечить им приличные условия существования.

Я видела, как постепенно менялись ожидания этих людей, как с течением времени приходилось примерять на себя статус «нуждающихся в государственной поддержке» и искать собственные способы решения проблем. В этих поисках постепенно обозначалась грань между теми, кто готов был полагаться только на себя, переходя с одного рабочего места на другое, преодолевая клеймо «неудачника» и «слабого», используя все имеющиеся возможности, в том числе государственную поддержку наиболее нуждающимся, и теми, кто опускал руки и признавался в личной неспособности принимать рыночные правила игры и быть конкурентоспособным на рынке, не признающем конкретные способности и таланты, в частности готовность много и интенсивно трудиться во благо коллективной идеи. Отсюда интерес к «крайним» бедным — с крайне низким уровнем материальных и социальных ресурсов, для которых уже забытое в позднесоветское

14 Исследование поведилось при финансовой поддержке АНО «Независимый институт социальной политики» (№ SP-02-1-04). Проект «Социальная поддержка официальных бедных в условиях социальной трансформации: институт зависимости или канал восходящей мобильности», научный руководитель — Светлана Ярошенко.

15 Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ (№ 06-02-00228а). Проект «Ценность успеха и стратегии его достижения в семьях разного достатка. Опыт анализа постсоветского Севера», научный руководитель — Светлана Ярошенко.

16 Яркий пример тому — публикация одного из идеологов ваучерной приватизации, разграничившей советское общество на бедных и богатых: «Вы знаете, если народу не больно, значит, реформы не идут» (Найшуль 2005: 38–40).

время ощущение голода становилось «нормой» жизни и для которых чрезвычайно высоким был риск оказаться в числе постоянно бедных.

Из этих наблюдений и рефлексии над неработающими в повседневной реальности теоретическими конструктами возникло предположение о том, что новые формы бедности (а также ее объяснения) появлялись параллельно с возможностью политической системы организовываться в новые формы гражданского управления, а также с формированием устойчивых практик реагирования населения на изменение прежней системы жизнеобеспечения.

И бедность уже виделась не проблемой недостатка средств для удовлетворения распространенных стандартов жизни, принятых минимально необходимыми в конкретных социальных условиях в данной стране, а проблемой социального исключения / включения в использование ресурсов, благ и привилегий. В этом случае групповое взаимодействие уже сложно было объяснить с точки зрения сугубо экономического поведения минимизации затрат и максимизации прибыли. Очевидно, она становилась также проблемой власти, субординации и дискриминации, проблемой реагирования населения на складывающиеся институты распределения благ и гарантий в условиях рыночной экономики.

Отсюда особое внимание к *официальным бедным* — признавшим свою нужду, обратившимся за государственной поддержкой, представившим подтверждение в ее необходимости и получившим вспомоществование. Обращение именно к этой категории снимало отчасти проблемы идентификации бедных, активно обсуждаемые в связи с ростом невидимых доходов, сложности учета не только денежного, но и имущественного состояния. Но что более важно, это позволяло обозначить и анализировать влияние политики идентификации «(не)достойных» помощи граждан на формирование застойной бедности.

Два раза в год на протяжении 1999–2002 годов в рамках двух упомянутых выше лонгитюдных исследований было опрошено по 20 человек в городе и селе из числа тех, кто обозначался «экспертным» сообществом бедными¹⁷, а также каждые полгода проводились полужформализованные интервью с 60 респондентами (30 мужчин и 30 женщин) из числа зарегистрированных бедных в городе¹⁸.

В обоих исследованиях отслеживалось влияние стратегий занятости на материальное положение наших информантов и их семей. Принимались во внимание и стратегии выживания, выходящие за пределы оплачиваемой занятости, — разнообразные формы активности по обеспечению семьи. Особый интерес представляли ситуации восходящей мобильности и консервации бедности: примеры разного «выхода» людей, занимающих равные структурные позиции — занятых на работах, не позволяющих обеспечивать прожиточный минимум. И в первую очередь интересовало не описание или подтверждение бедности, а динамика материального положения, как и за счет чего происходила восходящая или нисходящая мобильность, как аргументировали и чем объясняли материальное положение и его изменение сами респонденты, совпадали ли смыслы исследователя и информанта. Через их интер-

17 Более подробно описание методики проведения исследования см.: Ярошенко 2004.

18 Более подробно описание методики проведения исследования см.: Ashwin 2006: 1–31.

претацию шло реконструирование механизма, поддерживающего последовательное вытеснение на периферию материального благополучия. Основные его элементы высвечивались только через анализ предпринимаемых усилий по использованию возможностей, предоставляемых внешней средой.

Повторные интервью в семьях официальных бедных позволяли увидеть изменения в стратегиях, выстраиваемых по поводу обеспечения семьи, решения повседневных проблем и определения планов на будущее. На их основании формировалась методика опросов, которые позволяли исследовать масштабы распространения крайней бедности, состав наиболее нуждающихся, а также увидеть типичные способы решения материальных проблем внутри домохозяйства.

Я ссылаюсь в основном на результаты социологического опроса городских домохозяйств 2002 года. В нем исходя из возможности следовать средним стандартам жизни и имущественной обеспеченности были выделены группы населения по степени нуждаемости и включения в систему социальной поддержки¹⁹. Затем они были протестированы на предмет различий, а следовательно, и ключевых факторов, которые определяют попадание в социально-исключенную группу.

Предполагалось, что действующая система социальной поддержки не учитывает в должной мере реактивное поведение населения — конструктивные / деструктивные практики совладания с нуждой низкодоходных («слабо ресурсных») групп населения. Данная система скорее ориентирована на поддержание существующего уровня потребления и не стимулирует развитие деловой активности обращающегося за помощью населения. Акцент современных технологий выявления и поддержки нуждающихся в сторону стимулирования использования имеющихся ресурсов прошлого (излишков жилья, машины или иного имущества) исключает из поля зрения иные формы реагирования населения на ситуацию материальных лишений — предпринимательство. Кроме того, выпадает из поля зрения категория проблемных семей, которые не обращаются за помощью, но составляют основу застойной бедности.

КОНТЕКСТ И ОПИСАНИЕ СЛУЧАЯ

Выбор только одного города для проведения опроса был обусловлен исследовательскими задачами и возможностью сопоставления результатов с ранее проведенными здесь исследованиями²⁰. Сыктывкар является типичным «среднестатистическим» российским городом. В социальном отношении такие поселения, как столица Республики Коми, запечатлены как уникальные вехи освоения рос-

19 Опрос в домохозяйствах Сыктывкара, проведенный в конце 2002 — начале 2003 года по случайной выборке всего населения (N=1033) и подвыборке среди официальных бедных (N=370). В каждом домохозяйстве опрашивался основной кормилец — наиболее активный в поддержании материального достатка семьи. Помимо информации по домохозяйству со слов респондента также фиксировалась ключевая информация по каждому члену семьи (пол, возраст, статус занятости).

20 Исследование одного города — методически не новое решение. Об опыте такой работы можно судить на основании известного Таганрогского исследования (Можина 1994; Rimashevskaya 1998), исследований в Санкт-Петербурге (Piirainen 1997; Бедность в России 1998) или социологического исследования жилищных классов, проведенного в 1999 году (N=1125) в Сыктывкаре (Буравой и др. 1999).

сийского Севера и как типичные по условиям становления и бытования советские и постсоветские города.

Социально-экономическая ситуация в Сыктывкаре в целом отражает региональные и общероссийские тенденции в сфере занятости и уровне жизни (таблицы А и В Приложения). За десятилетие реформ сформировался слой безработных, пик численности которого приходится на 1998 год. Имеется существенный разрыв между уровнем общей и зарегистрированной безработицы. Среди всех безработных наметилось преобладание мужчин, а среди зарегистрированных — большинство женщин. Схожие тенденции можно отметить и в динамике рабочих мест: сокращение численности занятых в промышленности, строительстве и транспорте, рост занятых в торговле, сфере услуг, банковской сфере и управлении. Росло число занятых малым предпринимательством. В то же время доля населения с доходами ниже прожиточного минимума значительно выросла и оставалась достаточно высокой на протяжении последних лет.

Основу экономики города составляет профильная для ресурсного региона промышленность — лесоперерабатывающая, а также отчисления от добывающих отраслей: угольной, нефтяной и газовой. Во многом благополучие горожан зависело от состояния дел в этих отраслях и в сфере малого бизнеса, от их способности компенсировать неспособность депрессивных предприятий обеспечивать, как и прежде стабильную занятость и достойный заработок своим работникам.

С началом рыночных реформ большинство производств пережило экономический кризис, который наиболее остро проявился в середине 1990-х годов в сокращениях, текучести кадров, административных отпусках и задержке заработной платы. В 1994–1996 годах массовые сокращения прошли на большинстве предприятий перерабатывающей промышленности (швейной и мебельной фабриках, механическом заводе и других). На других производствах снижение избыточной численности проходило по инициативе трудящихся, недовольных низкой заработной платой или ее нестабильными выплатами. Их поиски более высокооплачиваемого и стабильного рабочего места ограничивались незначительной долей прибыльных предприятий. Даже в 2002 году, несмотря на стабилизацию, около половины предприятий были убыточны.

Реальные семейные доходы существенно снизились, изменилась их структура: доля доходов от оплачиваемой занятости упала с 72 до 46%, и почти в два раза (с 19 до 42%) увеличились доходы от предпринимательской деятельности, в том числе скрытой оплаты труда. Перенос экономической активности в неформальную плоскость и домохозяйство сопровождался ростом уровня бедности и составил предмет озабоченности федеральной и региональной власти.

С 1997 года²¹ в Республике Коми реализовывалась одна из трех новых методик определения нуждаемости и оказания помощи, пилотирувавшихся в различных регионах России при финансовой поддержке Всемирного банка. В отличие от принятой ранее в России практики эти методики были ориентированы на ограни-

21 Эта программа реализовывалась вплоть до 2001 года, а потом была свернута. Однако ее влияние сохраняется до сих пор. Анализ особенностей постсоветской системы социального обеспечения и адресной социальной помощи см.: (Ярошенко, 1998; Сидорова 2004).

чение масштабов социальной помощи, избирательный (адресный) подход в оказании поддержки и использование концепции относительной бедности в расчетах числа наиболее нуждающихся.

Согласно принятой в Республике Коми методике основное условие получения статуса «нуждающихся» — низкий душевой доход. Определение нуждаемости семьи проводилось на основании имеющихся в домохозяйстве прямых (налогооблагаемых) и косвенных (жилищные субсидии, льготы, пособия) доходов. Другой особенностью расчетов нуждаемости явился учет потенциальных доходов, например доход, который могла бы иметь семья в результате рационального использования принадлежащего ей имущества (излишки жилья, дача, подсобное хозяйство, гараж, автомобиль). Были введены нормативы, согласно которым определялась доходность подсобного хозяйства и крупного рогатого скота. В случае отсутствия земли к имеющемуся доходу (как в городе, так и в селе) приплюсовывался доход с трех соток земли. Считалось, что каждая семья, испытывающая материальные проблемы, может их отчасти решать за счет земельного надела. И наконец, учитывался трудовой потенциал: занятость трудоспособных граждан. При отсутствии уважительных причин для безработицы одного из членов семьи ей отказывали в помощи. Для трудоспособных безработных граждан обязательна была регистрация в службе занятости.

Иными словами, принципы государственной благотворительности были сформулированы таким образом, чтобы исключить помощь тем низкодоходным семьям, которые имеют экономический и трудовой потенциал. Предполагалось, что так можно стимулировать активизацию внутренних резервов домохозяйства, пресечь иждивенчество и формирование экономической зависимости. В действительности этого избежать не удалось. Основными получателями социальной поддержки оказались работающие (Ярошенко 2001), а в крайней нужде находилась только четверть зарегистрированных бедных.

В настоящее время региональная социальная политика приведена в соответствие с федеральной, однако более щадящие условия предоставления поддержки (без учета потенциальных и ряда косвенных доходов) не изменили ключевого принципа адресной поддержки наиболее нуждающихся, обратившихся за помощью и подтвердивших несостоятельность.

Следует отметить, что постсоциалистическая трансформация вписывается и в общие глобализационные процессы: сворачивание промышленности, расширение сферы услуг, феминизация рабочей силы, сокращение возможностей для мужской части рабочего класса, фрагментация способов выживания на фоне сворачивания системы социальных гарантий.

Таким образом, сквозь призму одного случая в каждом исследовательском проекте раскрывается сложный механизм социальных отношений, что, с одной стороны, облегчает задачу, а с другой — осложняет требованиями пристального внимания к деталям.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ И «УСТАРЕВШЕЙ» ТЕОРИИ

В то время как академическое сообщество волновали масштабы возможной бедности, я, будучи аспиранткой Института социологии РАН, писала диссертаци-

цию об «Эволюции субкультурных подходов объяснения бедности в американской социологии». Именно тогда у меня появилось убеждение в том, что бедность не может быть понята вне социального, культурного и исторического контекста, что это не просто нехватка средств на обеспечение базовых потребностей, а (не)возможность следовать распространенному образу жизни, длительное исключение из которого ведет к синдрому бедности (привыканию к нужде) (Ярошенко 1994).

Российская бедность только еще появлялась и становилась «модной» темой для академической дискуссии. Публичные обсуждения, адресная социальная политика и реакция населения ярко обозначили взаимодействие «культурных» и «структурных» факторов в процессе обеднения. Постепенно на фоне кажущихся растущими рыночных возможностей бедность конструировалась как проблема и постыдный образ жизни. Довольно быстро в явной или скрытой форме реанимировались устаревшие обвинения бедных в их особой культуре или неспособности адаптации к рыночным изменениям, отягченной алкогольной и прочими формами зависимости. Такое объяснение «лежало» на поверхности, но не учитывало кардинальных изменений в складывающейся системе жизнеобеспечения и конструирования «непривилегированной» социальной позиции, важным признаком которой была неспособность следовать средним стандартам потребления и быть успешным потребителем. Другое объяснение, отсылавшее к сложной ситуации на формирующемся рынке труда, также было недостаточным и лишним раз подтверждало ограниченность полярных объяснений и поисков причин бедности либо в индивидууме, либо в обществе.

Отсюда идея режима социального исключения, институционального, или «практического», воспроизводства в социальных практиках и политике стигматизируемого меньшинства (Ярошенко 2005). Социальный режим исключения — институциональное вытеснение на обочину материального благополучия, т.е. механизм ограничения доступа к материальным ресурсам через структуры возможностей (рынок труда, система социальной поддержки и так далее), условия достатка (образование, профессиональные способности, гражданский статус / права и так далее) и правила его достижения.

Этот режим проявляется через особые способы взаимодействия социальных позиций (структур возможностей) и практик управления нуждаемостью в первую очередь в домохозяйстве через выработку *стратегий выживания* — устойчивых правил решения материальных трудностей и поддержания достигнутого уровня достатка. Ограничения внешней среды сочетаются с неперспективными, не вписывающимися в логику рыночной системы привычными вариантами решения материальных трудностей. Комбинация возможностей действия в определенной социальной позиции и их реализация в повседневных решениях составляет каркас режима исключения. Причем в подвижной социальной ситуации, когда нет четких социальных предписаний и границ социального действия, усиливается роль стратегий выживания, трансформирующих влияние внешней среды, конструирующих и воспроизводящих ситуацию материальных лишений (Ярошенко 2005).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НОВЫХ БЕДНЫХ: «КРАЙНИЕ» И «УСТОЙЧИВЫЕ»

Точкой отсчета в моих рассуждениях о «новых» бедных является выявление социальных характеристик, которые повышают риск формирования *устойчивой группы крайне бедных*. С одной стороны, такой фокус позволяет учитывать влияние складывающейся политики управления бедностью, озадаченной выделением наиболее нуждающихся и определением эффективных форм социальной поддержки этой категории. С другой — фиксировать формирующиеся «снизу» практики формирования реальной группы бедных, когда не только статистически, но и в формах поведения проявляется групповая солидарность, грозящая (вос)производством слоя постоянно бедных.

При очевидном росте статистической бедности (с 10–12% населения в начале 1990-х годов до 30–40% населения в последующие годы) в ряды статистических бедных в ходе массовой нисходящей мобильности вошли состоятельные прежде слои населения, а также работающие. Но значительная часть работающих бедных обладала запасом прочности — накопленными в прошлом материальными и социальными ресурсами. И лишь неспособность домохозяйств конвертировать ресурсы прошлого в новые экономические условия определяла консервацию нужды. Сложнее всего приходилось тем, кто такими ресурсами не обладал или не знал, как ими распорядиться. Нижеприведенные цитаты из интервью подобраны таким образом, чтобы отразить типичную оценку информантами переживаемой ими бедности.

Я не могу сейчас прокормить ни себя, ни дочь, не говоря уж об одежде. Я с ужасом думаю, что придется оплачивать учебу дочери. Долг за квартиру не могу оплатить. И улучшений я каких-то особенных уже не жду, хотя конечно хочется надеяться. [...] Вчера я пришла к выводу, что я самая бедная из нашего класса, то бишь санитарка (ж., 1959 г.р., санитарка, 4–41–2²²).

Я — нищий, потому что денег не хватает. На одежду денег не хватает. Мне одежды особо не надо. Могу и в старом проходить, спокойнее можно по улице пройти. А вот сыну уже хочется красиво одеться. [...] С октября месяца, как я устроился на работу, у меня этих денег [зарботной платы] не хватало даже на питание во время дежурства: хлеб, сахар, чай с собой берешь, что-то кушать сварить. Эти деньги даже не оправдывали себя. Мне еще курить надо, я курю. [...] Я собираюсь оттуда уходить. Там условия ужасные. Света даже нету. Там ужасно. То есть о рабочих не заботятся современные руководители (м., 1957 г.р., сторож, 4–22–2).

Вообще у меня ощущение, что поменялось что-то в жизни. Мне кажется, что раньше у нас человек был более свободен в выборе своего жизненного пути, что не так много определялось деньгами, что можно было посидеть впроголодь, но добиться того, о чем мечтаешь, если для этой мечты есть возможно-

22 Первая цифра нумерации означает регион, вторая — номер респондента, а третья — этап качественного лонгитюдного исследования.

сти. А теперь, мне кажется, не способностями и умением определяется все, а деньгами. И даже если ты способен на какие-то серьезные ограничения себя (жить впроголодь), ты без определенной суммы денег все равно ничего не сможешь» (ж., 1958 г.р., воспитательница детского сада, 4–07–3).

Нехватка денег на удовлетворение базовых (жизненно важных) потребностей (в еде) — это знак перемен, но выделение крайне бедных только на основании денежных доходов было весьма трудоемким и приблизительным в условиях распространения теневой экономики и скрытых доходов. Более надежным индикатором нуждаемости является уровень реального потребления, когда учитываются возможности семьи следовать распространенным и общепринятым стандартам жизни. В таком измерении *крайне бедные* — семьи с низким индексом жизненных стандартов, как минимальных, так и средних, а также с низким уровнем материальной обеспеченности (таблица 1).

Таблица 1

Социальный класс домохозяйств

		Официальные бедные, 2002		Все население, 2002		Все население, 1998 ²³	
		%	N	%	N	%	N
Социальный класс	Крайне бедные	26,2	97	12,4	128	8,6	68
	Бедные	22,7	84	7,4	180	18,8	128
	Среднеобеспеченные	48,1	178	57,5	594	72,6	566
	Состоятельные	3,0	11	12,7	131		
Всего	100	370	100	1033	100	762	

По результатам исследования 2002 года примерно десятая часть горожан жила в таких стесненных условиях, и для таких семей нужда была не только неизбежной, но и неприемлемой. Даже привыкая к продолжительной нужде, к тому, что длительное время едва удается сводить концы с концами, находя возможность радоваться такой своей повседневности и выстраивать систему вполне рациональных ценностей, люди ощущали и ощущают неприличность и несправедливость такого состояния.

Примечательно, что среди официальных бедных только пятая часть была крайне бедной. Большая часть получающих социальную поддержку относилась к «просто» бедным и среднеобеспеченным, что демонстрировало как их готовность обращаться за помощью, так и возможность ее получения, несмотря на адресный подход и жесткие критерии отбора.

23 Сравнительные данные приведены по результатам исследования стратегий выживания домохозяйств в 1998 году (Ярошенко 2005).

Официальное признание нуждаемости становилось важным основанием для формирования «новой» идентичности. Оно гарантировало получение социальной поддержки, но в то же время формировало категорию «уважаемых», или достойных помощи, бедных. Согласно интервью, многие горожане, в том числе вполне состоятельные, пытались примерить на себя этот статус, рассчитывая возможности получения поддержки, соотнося имеющиеся доходы с действующими правилами регистрации в социальных службах. Получать социальную помощь ценой приобретения ярлыка «нуждающейся семьи» было не зазорной, а оправданной мерой в условиях радикальной перестройки общественного устройства, ответственность за которую возлагалась на государство. И только с течением времени, когда регистрация оказалась хлопотной и постыдной из-за утомительного сбора многочисленных справок, длительного стояния в очередях и различных проверок социальными работниками имущественного состояния просителей, обращение к государству за помощью становится менее привлекательным, но по-прежнему оправданным занятием. В ходе интервью было явно, что в наиболее сложной ситуации оказывались те семьи, которые, несмотря на крайнюю нужду, выпадали из системы социальной поддержки.

Открытием опроса было то, что «наиболее нуждающиеся», несмотря на риторику реализуемой социальной политики, составляют незначительную часть получающих социальную поддержку. Это обстоятельство убеждало в том, что *постоянно бедные* — это не только постоянно получающие пособие, но и исключенные из системы социальной поддержки. С точки зрения государственной политики, эта категория «невидима» или исключена из действующей на рынке труда и социальной сферы (то есть сферы социальных гарантий) системы поддержки или стимулирования достижительских или успешных форм экономического поведения. С точки зрения микропрактик экономического поведения, данная социальная категория «изолирована» в результате выработки таких способов решения проблем, которые, несмотря на конструктивный потенциал, не находят поддержки и развития.

Таким образом, выделение крайне бедных — это методический прием, позволяющий проследить отличие этой категории от более состоятельных слоев, а также оценить возможность формирования застойной (постоянной) бедности, что и является новым феноменом в постсоциалистических условиях. Крайне бедные определяются в качестве статусной группы, размер, состав и формирование которой зависит от актуализации в конкретный исторический период ведущих критериев социального неравенства. В отличие от остальных бедных их материальное положение является низким настолько, что провоцирует цикл лишений. В отличие от сословия или класса данная группа не просто нижняя ступень в социальной стратификации, а *исключенная* из социальной структуры и стигматизируемая как *непривилегированная* социальная категория исходя из идеологии «(не)достойных» помощи, основанной на личной ответственности индивида за благополучие и выделении «слабых», то есть тех, кому морально оправданно оказывать поддержку. Ее представители не имеют способностей, навыков и умений, востребованных системой, а потому ограничены в доступе к основным источникам жизнеобеспе-

чения. Отличительными особенностями их положения являются *крайне низкий доход, недостаточный для поддержания активного физического состояния, отсутствие накоплений, а также последовательная нисходящая социальная мобильность*. Принадлежит к этой категории, легче всего оказаться в числе постоянно бедных.

КЛАСС, ГЕНДЕР И ГРАЖДАНСКИЙ СТАТУС НОВЫХ БЕДНЫХ

Споры о том, кто же беднее — «рабочие» или «бюджетники» — после интервью казались несущественными, так как было очевидно, что на складывавшемся рынке труда происходило резкое снижение статуса рабочих (Ярошенко и Омельченко 2008).

Большая часть наших информантов из числа зарегистрированных бедными были рабочими или служащими с определенными профессиональными навыками. Их видение перспектив сохранения работы, размера зарплаты, да и форм ее получения во многом пересекались. Люди сходились во мнении, что их сложная материальная ситуация связана с низкой должностью или квалификацией (экономическим классом), а также невозможностью в такой ситуации найти лучшее применение своей рабочей силе:

Уволиться сейчас некуда, да и вряд ли где-то по нашей специальности платят больше и вовремя. Просто специальность такая. Если бы учился в те [советские] года на какую другую специальность, была бы другая зарплата, или где-то какая-то другая жизнь, но все пошло так, что... в электриках сейчас... везде единая тарифная сетка» (м., 1964 г.р., электрик ЖКХ, 4–53–1).

По-разному, но достаточно убедительно наши респонденты отмечали ограниченность возможностей для рабочих: «Рабочим выбора нет. Если только на вахтовке» (м., 1957 г.р., безработный, 4–24–4). Еще ниже оценивался потенциал малоквалифицированных мест уборщиц, санитарок, нянь, которые один из респондентов, назвал «работой, на которой человек не выживает. Если он будет жить только на эти деньги, то он не выживет» (м., 1969 г.р., оператор, 4–37–2), поэтому, по его мнению, там работают одни пенсионеры.

Действительно, рабочие оказываются в худшей ситуации. Однако в условиях реструктуризации и дефицита «хороших» рабочих мест схожие проблемы могли испытывать служащие и даже специалисты. Тем не менее их гораздо меньше среди бедных. В исследовании зарегистрированных нуждающихся среди 37 занятых на первом этапе было три специалиста с высшим образованием и шесть служащих, а из 13 безработных только два человека имели высшее образование. Более того, у специалистов и служащих с высокой квалификацией есть одно несомненное преимущество по сравнению с рабочими — образовательный ресурс, который в рыночных условиях в идеале оплачивается выше и повышает их конкурентоспособность, а также шансы занять хотя бы рабочую должность. Справедливости ради следует заметить, что на практике такой возможностью наши респонденты не торопились воспользоваться. Из имеющих высшее образование на четвертом

этапе только один человек решил материальные проблемы семьи ценой понижения должностного статуса, остальные смогли найти решение в рамках своего слоя²⁴.

Данные опросов подтвердили предположения о том, что рабочие, особенно низкой квалификации, чаще испытывали риск оказаться в числе крайне бедных. В таблице 2 приведены основные характеристики занятости тех, кто вносит больший вклад в содержание домохозяйства.

Несмотря на значительную долю домохозяйств «безработных» и «неработающих», среди бедных разных категорий сохраняется высокий процент «работающих семей». Большая часть (60%) основных кормильцев занята на работах, не позволяющих обеспечивать семью. Чаще всего это рабочие разной квалификации. Однако риски низкоквалифицированных рабочих значительно выше: среди всего населения они составляли десятую часть, тогда как среди крайне бедных — пятую. Такого соотношения ни в одном другом экономическом классе не наблюдалось. В частности, служащие без высшего образования составляли среди крайне нуждающихся примерно ту же часть, что и среди всех горожан (табл. 2).

Доля безработных среди тех, кто вносит больший вклад в содержание домохозяйств, значительно ниже: если среди всех горожан они составляют около 2%, то среди крайне бедных семей, зарегистрированных социальными службами, — 5,2%, а среди незарегистрированных — 7,8%.

Как оказалось, наиболее значимые различия касаются не столько безработицы, сколько стабильности занятости: среди основных кормильцев из крайне бедных семей временно занятых в два раза больше, чем в остальных категориях. Из-за сворачивания сегментов неквалифицированной, но ранее достаточно высокооплачиваемой занятости именно качество занятости, а не только безработица стимулируют попадание в число крайне бедных. Занятость в «нестратегических» или малооплачиваемых сегментах занятости на неквалифицированной работе, отличающейся высокой мобильностью и непродолжительностью, является фактором крайней бедности. Несомненно, попадание в такие сегменты на рынке труда во многом было связано с низким образованием и квалификацией работников.

Следует обратить внимание на то, что система социальной поддержки не ориентирована на преимущественную помощь семьям с трудоспособными членами. Это хорошо видно на примере как безработных, так и всех других занятых кормильцев, представленных в таблице: их представительство среди зарегистрированных получателей социальной помощи в группе крайне бедных ниже или при-

24 О более высоких запросах и более благополучной ситуации профессионалов свидетельствуют рассуждения специалиста одного из самых престижных предприятий города: «Прожиточный минимум в марте 2005 года по РК составил 3179 руб. на человека. Для меня, ведущего специалиста, с “чистой” зарплатой в месяц в 12 000 руб., имеющего двух иждивенцев, это означает, что я балансирую на грани выживания. Какие уж тут мотивация и уважение к труду? Порой думаю, зачем мне мой диплом инженера? Он не кормит. А вот большого спроса на специалистов в нашем районе практически нет. Слишком мало крупных предприятий в округе. Альтернатива — это переезд в другой регион или смена профессии».

Таблица 2

Характер занятости основного кормильца как фактор крайней бедности, %

Выборка	Крайне бедные		Все население	
	Все население	Официальные бедные	Все население	Официальные бедные
<i>Статус занятости</i>				
Безработные	7,8	5,1	2,4	2,2
Неработающие	30,5	45,4	21,8	38,4
Занятые, в том числе:	61,7	49,5	75,8	59,4
самозанятые	0	0	1,1	0,5
рабочие (неквал.)	20,3	23,7	8,6	14,3
рабочие (квал.)	23,4	12,4	26,9	24,1
служащие (без высшего образования)	10,2	9,3	13,9	12,2
Всего	100 (128)	100 (97)	100 (1033)	100 (370)
<i>Постоянство занятости</i>				
постоянно	83,1	93,6	92,0	92,6
временно	16,9	6,4	8,0	7,4
Всего: % (N)	100 (73)	100 (47)	100 (757)	100 (217)

мерно такое же, как и среди всего населения. Но важно еще раз подчеркнуть, что и в случае оказания государственной поддержки занятым она в большей степени распределяется более состоятельным слоям (см. табл. 1), а не крайне бедным.

Обратную картину можно наблюдать среди «неработающих», включающих как пенсионеров, так и людей с ограниченной дееспособностью. Вероятность их включения в систему социальной защиты значительно выше, что напрямую связано с избирательной практикой регистрации нуждающихся. До последнего времени по правилам регистрации в социальной службе обязательным требованием для семей, где есть безработные, была постановка их на учет в службе занятости. Данное условие было своего рода фильтром, препятствовавшим получению трудоспособными гражданами социальной поддержки прежде, чем будет полностью реализован их трудовой потенциал.

Отсутствие подходящей для них работы, а также намерение трудоустройства через активный поиск должно было быть засвидетельствовано официальными инстанциями. Однако на вполне оправданное ограничение накладывалась двойная бюрократическая нагрузка, а также специфическая социальная практика, о чем свидетельствовали результаты предыдущих исследований. С одной стороны, для получения статуса безработного требовалось выполнить ряд условий, в частности ликвидировать задолженность по оплате коммунальных услуг. С другой — необходимо было преодолеть рассогласованную семейную позицию, когда отсутствие взаимодействия в семьях, отягощенное алкогольной зависимостью од-

ного из членов, осложняло договоренность партнеров по этому вопросу и соответственно сбор всех требуемых справок.

В ходе исследования были отмечены существенные отличия в статусе и характере занятости крайне бедных и официально бедных семей. Высокая доля занятых среди крайне бедных свидетельствует об особой их позиции на рынке труда, которая ведет к бедности в ее крайних проявлениях. В данном случае движущим фактором на пути к бедности оказывается не только и не столько потеря работы, сколько нестабильность занятости и работа на малооплачиваемых рабочих местах (как в промышленности, так и в сфере услуг). Следует также отметить, что конструирующая роль системы социальной поддержки хорошо проявляется в отношении трудоспособных граждан. Высокая доля среди официальных бедных неработающих по причинам пенсионного возраста или инвалидности — свидетельство эффективной реализации универсального принципа государственной поддержки только тех, кто признан недееспособным.

Итак, свободный рынок не в состоянии обеспечить безбедное существование работникам низкой квалификации в любом сегменте занятости, что способствует исключению и крайней бедности их семей в ситуации избирательного фокуса системы социальной поддержки на неработающих или «достойных» помощи.

Другим немаловажным фактором бедности в последнее время становится гендерная идентичность, которая наряду с другими образует ограничения и возможности для доступа к материальным и дискурсивным ресурсам (Jencks and Palmer-Jones 2000: 145). Рассмотрим, как проявляется действие данного фактора среди категорий с разной степенью нуждаемости и включения в систему социальной поддержки.

В таблице 3 приведены данные о поле основного кормильца и всех членов домохозяйства, а также выделены «женские» (одинокие женщины и одинокие ма-

Таблица 3

Гендерные характеристики семей с разной степенью нуждаемости, %

Категории	Крайне бедные	Официальные бедные	Все население
<i>Пол основного кормильца</i>			
муж.	35,9	36,5	54,1
жен.	64,1	63,5	45,9
<i>Пол всех членов домохозяйства</i>			
муж.	43,3	39,3	45,8
жен.	56,7	60,7	54,2
<i>Женские домохозяйства, в т.ч.</i>			
одинокие женщины	17,2	19,6	9,8
одинокие матери	26,6	28,6	15,8
<i>Мужские домохозяйства</i>			
Другие	47,7	46,9	68,1
Всего (N)	(128)	(370)	(1033)

тери) и «мужские» (одинокие мужчины и одинокие отцы) семьи. Если среди всех опрошенных доли мужчин и женщин примерно одинаковы, то в семьях официальных бедных и крайне бедных наблюдается перевес женщин: их почти в два раза больше среди основных кормильцев и существенно больше среди всех членов домохозяйств.

Вместе с тем следует обратить внимание на более высокую долю женских домохозяйств среди официальных бедных в сравнении с крайне бедными. Данное различие объясняется как «гендерными» предпочтениями в социальной политике, ориентированной на помощь матерям-одиночкам, так и более легкое, по сравнению с мужчинами, согласие женщин на признание своей экономической несостоятельности и обращение за помощью. Однако при явном преобладании женщин среди бедных разных категорий следует обратить внимание на более высокий процент «мужских» домохозяйств среди крайне бедных.

Лишь на первый взгляд формирующаяся система социального обеспечения гендерно нейтральна. Статистика регистрации нуждающихся демонстрирует гендерный образ «достойного бедного»: женщины составляют 90% обратившихся за помощью, около половины зарегистрированных бедных семей — семьи одиноких матерей (в сравнении с 2% семей одиноких отцов) (Ярошенко 1999). Статистика отражает проявления экономического поведения, формируемого особыми институциональными рамками. Как правило, за регистрацию семьи в социальной службе отвечают те члены, которые имеют преимущества в получении искомого статуса (государственного ресурса) и отвечают за дополнительные источники пополнения семейного бюджета, связанные с экономией, подсобным хозяйством, родственным обменом или социальным пособием. Все эти виды деятельности традиционно закреплены за женщиной.

Следует отметить сходство данного феномена женского «пауперизма» (то есть преобладания женщин среди официально признанных нуждающимися) с ситуацией, предшествовавшей образованию первых национальных рынков труда (Polanyi 1957; Dean 1991: 156–192). Классический проект современности утверждался в условиях минимизации государственного вмешательства и защиты моральных принципов в рыночном обмене труда и капитала. Однако такое вмешательство постоянно имело место, и было важным фактором создания условий «свободного» обмена. Это вмешательство основывалось на трудовой этике и патриархатности. Трудовая этика подразумевала необходимость труда для обеспечения средств существования, продажа рабочей силы дееспособными гражданами становилась основным условием безбедного существования, а предоставление помощи было возможно только недееспособным. В свою очередь, патриархатность подразумевала мужскую ответственность за содержание семьи, а потому отнесение одиноких женщин к числу недееспособных соответствовало стереотипам существующей гендерной культуры.

Данная традиция была задана еще в советское время, хотя и имела свою специфику. Не все одинокие женщины, а лишь имеющие детей, признавались объектами государственной опеки. Право выхода в отпуск по уходу за ребенком с предоставлением оплачиваемого отпуска и сохранением стажа предоставлялось

лишь женщинам. В настоящее время предпринимаются попытки выравнивания в правах на государственную поддержку мужчин и женщин: мужчины могут выходить в отпуск по уходу за ребенком. Но система воспроизводится уже реакцией населения, кстати, довольно типичной для большинства государств: мужчины не торопятся воспользоваться своими правами на отпуск по уходу за детьми, женщины преобладают в числе получателей государственной поддержки.

Таким образом, влияние экономического класса и гендерной позиции в значительной мере корректируются гражданским статусом и принятыми для индустриального общества принципами социальной поддержки. Низкая квалификация и нестабильная занятость определяют крайнюю бедность не только из-за низких доходов, но и в силу выпадения из поля государственной политики, нечувствительной к постиндустриальным изменениям: деиндустриализации, развитию сферы услуг и самозанятости (менее оплачиваемых и нестабильных сегментов занятости). Гендерная идентичность в рыночных условиях также не определяет доступ к благам напрямую, а используется государством в качестве мощного рычага перераспределения благ в пользу «достойных помощи» граждан. Исключенными из поля социальной политики оказываются отнюдь не одинокие матери, а одинокие мужчины, несостоявшиеся в роли кормильцев. В какой мере структурное влияние корректируется реактивным поведением людей, рассмотрим сквозь призму стратегий выживания.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ: ОТ СЕМЕЙНОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ К ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Анализ различий в стратегиях выживания — привычных практиках решения материальных проблем — сфокусирован только на двух составляющих — работе и социальной поддержке, чтобы протестировать распространенные представления о том, что социальная поддержка снижает трудовую мотивацию и ведет к зависимости. Дополнительным аргументом в пользу такой избирательности было и то, что именно эти два канала являются индикаторами изменений в экономическом поведении людей и показателем влияния «культурных» факторов воспроизводства бедности.

В кризисных условиях семьи стремятся использовать все возможные источники доходов. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты как западных, так и российских исследований (Burawoy, Krotov and Lytkina 2000). Результаты нашего исследования подтверждают ранее сделанные выводы по этому поводу. Новаторским же является предположение о том, что в рамках этой диверсификации формируется специализация на конструктивных или деструктивных способах решения проблем в зависимости от их вклада в преодоление бедности. К первым относится активность в сфере занятости, связанная с повышением социального капитала через переквалификацию и переобучение. Значимое позитивное влияние на выход из бедности могут также оказывать стремление и готовность воспользоваться возможностью продвижения по служебной лестнице. Сюда же могут входить стратегии, связанные с подработками, хотя их влияние скорей всего будет

не значимо или даже негативно, так как зачастую они решают материальные проблемы в ущерб профессионализации. К противоположному полюсу относятся тенденции к экономической зависимости, выраженные в продолжительности получения социальной поддержки. Сюда же можно отнести сверхмобильность — смену более четырех рабочих мест за последние десять лет.

В таблице 4 приведены ориентации и поведенческие практики в сфере занятости групп населения, отличающихся по степени нуждаемости и включения в систему социальной защиты. В ней не прослеживаются признаки снижения трудовой активности бедных людей. Напротив, самое высокое стремление к смене места работы, наличие постоянных подработок и низкая удовлетворенность имеющейся работой наблюдаются среди крайне бедных. Однако в отличие от остальных они менее активны в поиске новой работы. Можно предположить, что серьезным сдерживающим фактором является низкая оценка возможностей на рынке труда в связи с низким уровнем образования или невостребованной квалификацией. Но обращает на себя внимание и тот факт, что даже в случае имеющейся возможности продвижения по службе работающие крайне бедные реже согласны ею воспользоваться. Справедливости ради следует отметить, что отказ от карьеры у них сочетается с установкой на повышение образования: они чуть чаще официальных бедных к этому стремятся. Однако это не означает реализации данного стремления: нехватка заработной платы даже на удовлетворение базовых потребностей побуждает скорее к частой смене рабочих мест, нежели к совмещению образования с оплачиваемой занятостью. Именно невозможность повышать уровень образования и квалификацию усиливает вероятность оказаться среди крайне бедных.

Таблица 4

Стратегии занятости основного кормильца по категориям, %

Категории/ Стратегии занятости	Крайне бедные	Официальные бедные	Все население
Желание поменять место работы	54,5	31,5	32,7
Поиск работы	16,4	20,9	12,7
Стремление повысить уровень образования	21,4	20,1	31,2
<i>Оценка возможностей на рынке труда</i>			
высокие	10,9	18,3	25,8
низкие	34,5	25,0	25,5
Стремление воспользоваться возможностью повышения по службе	20,0	33,8	41,5
<i>Трудовая мобильность последние 10 лет</i>			
сверхмобильные	14,6	9,5	9,4
мобильные	43,6	52,1	41,1
немобильные	41,8	38,5	49,6
<i>Подрабатывают, в том числе</i>			
постоянно	26,3	20,9	21,5
регулярно	15,8	20,9	19,0
время от времени	57,9	58,1	59,5
Всего (N)	(128)	(370)	(1033)

Теперь обратимся к проявлениям экономической зависимости в виде готовности принять зависимый статус, практики обращения за помощью, наличия регистрации и оценки реальной нуждаемости. В таблице 5 приведен перечень поведенческих практик, ассоциирующихся с признанием экономической несостоятельности.

В первую очередь обращают на себя внимание два момента. Во-первых, низкий процент получающих государственную поддержку среди крайне бедных — всего 17%. Во-вторых, высокий процент, в том числе среди всех горожан, готовых признать себя бедными и обратиться за помощью.

Таблица 5

Опыт социальной поддержки по категориям, %

Категории/ Опыт поддержки	Крайняя бедность	Все население
Зарегистрированы как нуждающиеся	17,2	12,1
Продолжительность регистрации: 5-10 лет	23,4	16,9*
Продолжительность регистрации: свыше 10 лет	9,1	5,8*
Желание обратиться за помощью	43,0	22,8
Необходимость помощи	67,9	35,7
Прошлый опыт регистрации	30,5	20,9
Интересовались возможностью получения помощи в органах социальной защиты	31,1	26,0
Всего (N)	(128)	(1033)

* Из всех зарегистрированных в социальной службе

Таким образом, если определять экономическую зависимость как продолжительность получения социальной поддержки, то не обнаружена значимая связь между длительностью регистрации и попаданием в число крайне бедных — потенциальной группы постоянных бедных. Напротив, оказалось, что данная категория исключена из поля социальной поддержки.

Подводя итог, можно сказать, что наши респонденты действовали в условиях, когда формировались новые правила жизнеобеспечения, определявшие материальное благополучие. Несмотря на кардинальные изменения, сохранялись два непеременных условия экономического положения семьи: *оплачиваемая занятость* — основной источник денежных доходов для домохозяйства, а также *семейная солидарность*. Обе сферы трансформировались под воздействием рыночных реформ сверху и практического действия (реакции) населения снизу. Резкий спад производства, задержки заработной платы или выдача ее в натуральной форме, угроза сокращений толкали работников на поиски «хорошей» (постоянной и стабильно оплачиваемой) работы. Снижение доходов от профессиональной деятельности на рынке труда стимулировало активность внутри домохозяйства. Работа на огородах и дачах, родственный обмен или распродажа домашнего имущества были типичными формами решения материальных проблем.

В ходе исследования обнаружилось, что последовательное ухудшение ситуации проходило в два этапа. Первый касался ухудшения позиции на рынке труда и вытеснения работника в сферу нестабильной занятости с последующей депрофессионализацией. Второй был тесно связан с семейной неустойчивостью. Причем первый предшествовал второму, и апогеем исключения становился распад семьи. Структуры исключения и включения реализовывались, воспроизводились и менялись в «действии». Общая «семейная», а не индивидуальная реакция на рынок оказывает более ощутимое влияние на уровень жизни домохозяйства.

Практическое действие предполагает активизацию имеющихся возможностей и, как правило, зависит от способностей преодоления привычных практик жизнеобеспечения. Красной нитью сквозь все истории проходят отсылки к советскому прошлому. В этом проявилась значимость опыта, обращенного не в будущее, а в прошлое. И в этом не только признак ностальгии, но и социальное моделирование своей жизни по советскому образцу. Отсюда и отношение к государству (должно), и восприятие поиска работы как унижения. На этом основании выстраивается сетевая защита общества от конкурентного рынка, оформленная в бартерных цепочках, клановой сегментации рынка или в родственно-знакомственном найме.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «СЛАБЫХ», ИЛИ РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, можно обозначить ключевые значения «новой» бедности, которые задают рамки моих рассуждений о «новизне» бедности по-русски.

«Новая», потому что бедности не было в СССР. Вернее, не было бедности, сознаваемой в качестве проблемы, постыдной и преодолеваемой. В результате сильной социальной политики и относительно равного распределения благ прежде признавалась лишь так называемая «малообеспеченность», расцениваемая как результат скорее жизненного цикла семьи (например, этапа рождения детей и увеличения иждивенческой нагрузки на работающих членов семьи), а не просчетов государственного регулирования, основанного на принципе реального социализма «каждому по труду». И если в обществе реального социализма бедность была уделом большинства и можно было говорить о «равенстве в бедности», то в постсоциалистических условиях это удел социальных меньшинств, позиции которых позитивно или негативно дискриминируются и в отношении которых формируется избирательная социальная политика. Именно политики идентификации «(не)достойных» помощи определяют профиль «новой» бедности в России третьего тысячелетия. Они имеют ярко выраженный «гендерный» характер, определяемый распространенными представлениями о том, что должны делать мужчины и женщины.

«Новая», потому что на смену «традиционной» бедности многодетных, одиноких матерей, безработных («тунеядцев») и тому подобных «классических» для большинства стран мира категорий нуждающихся в России бедность распространялась на работающее население, часть которого приняла рыночные правила игры, а часть продолжает им сопротивляться. Однако одно лишь распространение

бедности на работающих не является новым феноменом. В условиях раннего капитализма низкая заработная плата работающих также вела к тому, что они наравне с безработными оказывались в положении неимущих.

Эта ситуация, великолепно описанная Карлом Поланьи в «Великой трансформации», была причиной системного кризиса, конца саморегулирующегося рынка и формирования современных капиталистических обществ в ходе адаптации как населения, так и системы к изменениям. В этом смысле «новая» бедность далеко не новая. Новизна же заключается в постепенном признании того, что занятость сама по себе не является гарантией от бедности. Отсюда риторика о «бюджетниках» и достаточно высокая доля занятых среди официальных бедных. И все же в наиболее сложной ситуации оказываются рабочие советской промышленности, испытавшие последовательную нисходящую мобильность и ощутившие резкое изменение статуса.

«Новая», потому что ранее благополучные слои населения оказались за чертой бедности, сознавая перепад в материальном благополучии, выстраивая различные стратегии совладания с нуждой. Стратегии рабочих, чьих личных и семейных ресурсов было явно недостаточно для компенсации перестройки сферы оплачиваемой занятости, отличались крайней неудовлетворенностью имеющейся работой и возможностями заработка на рынке труда, исключением из семьи и системы социальной поддержки. И среди тех, кто длительное время находится на дне материального благополучия сегодня, чаще всего оказываются последовательные сторонники норм советского общежития, испытывающие весьма обоснованную ностальгию об утраченном материальном благополучии и возможностях его достижения.

«Новая», потому что бедность из временной (феномена жизненного цикла) превращалась в постоянное, воспроизводимое, передаваемое из поколения в поколение явление: шансы детей из неблагополучных семей избежать бедности резко сокращались. Об этом в начале рыночных реформ писали далеко не все, потому как появление застойной бедности еще было вопросом будущего, а не настоящего. Важнее было определить структуру бедности и выявить наиболее нуждающихся, чтобы обозначить круг «достойных помощи» (государственной поддержки).

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что *постоянно бедные* — это не только постоянно получающие пособие, но прежде всего исключенные из системы социальной поддержки. С точки зрения государственной политики, эта категория «невидима» или исключена из действующей на рынке труда и социальной сферы (то есть сферы социальных гарантий) системы поддержки или стимулирования достижительских или успешных форм экономического поведения. С точки зрения микропрактик экономического поведения, данная социальная категория «изолирована» в результате выработки таких способов решения проблем, которые, несмотря на конструктивный потенциал, не находят поддержки и развития.

Данное обстоятельство, на мой взгляд, демонстрирует роль негативного влияния стигмы, или признания отдельных категорий граждан, в том числе бедных, как

слабых или чужих, недостойных заботы, которое реанимируется в последнее время в России.

Таким образом, «новая» — это постоянная бедность, результат множественного социального исключения, выстроенного на «классовом» основании и дополненного «гендерными» политиками идентификации наиболее нуждающихся.

Я бы отметила еще ряд моментов, которые заслуживают внимания и которые, на мой взгляд, будут все больше развиваться в условиях глобализации.

Во-первых, в современном капитализме благодаря действию социального государства появились новые векторы социального расслоения, так как уже есть возможность выживания за пределами рынка труда. Поэтому класс как социальная сила и основание для коллективного действия замещается различными формами солидарности (как социальной практики защиты от рынка, так и коллективного действия). В результате растет роль общественных движений и новых семейных форм организации в защите общества и гражданских прав от рыночной экспансии.

Во-вторых, действительно, новое качество бедности появляется в связи с тем, что туда попадают те, кто теряет комфорт и привилегии, приобретенные уже в условиях капиталистического рынка, а не социалистического распределения, и кто разочаровывается в «индивидуалистских» способах достижения достатка. На фоне появления новой глобальной экономики и гражданского действия будут расти поиски иного (альтернативного) смысла жизни, не связанного с достатком, с исключительно потребительскими запросами и требованиями к рабочему месту как исключительно источнику дохода. В этом случае можно предположить, что появится «стилевая бедность» как результат осознанного выбора и элемент альтернативного образа жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица А

Динамика социальной ситуации в Республике Коми в сравнении, %

	1992 г.	1995 г.	2002 г.
<i>Доля женщин среди занятых в экономике, %</i>			
Коми	50,2	50,7	45,8
Сыктывкар	–	–	–
Россия	47,7	--	48,8
<i>Доля занятых малым предпринимательством, %</i>			
Коми	2,2	–	6,0
Сыктывкар	–	–	11,6
Россия	–	–	11,0
<i>Уровень безработицы, % от эк. акт. населения</i>			
Коми	4,9	10,9	9,1
Сыктывкар	–	8,4	7,4
Россия	5,9	9,5	8,6
<i>Доля женщин среди безработных, %</i>			
Коми	54,3	49,2	45,0
Сыктывкар	48,925	47,0	–
Россия	47,7	46,1	46,0
<i>Уровень зарегистрированной безработицы, %</i>			
Коми	1,6	5,6	2,7
Сыктывкар	–	4,1	1,4
Россия	1,1	3,3	1,8
<i>Доля женщин среди зарегистрированных безработных, %</i>			
Коми	67,9	59,9	65,0
Сыктывкар	–	50,8	57,9
Россия	72,1	–	68,5
<i>Доля населения с доходами ниже ПМ</i>			
Коми	–	19,2	24,5
Россия	–	25,0	27,6

(данных нет или не определены).

Рассчитано по: (1) Статистический ежегодник Республики Коми: Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2002. С. 9; (2) Социально-экономическое положение городов и районов республики в 1997 г.: Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РК, 1998; (3) Социально-экономическое положение городов и районов республики в 2001 г.: Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2002; (4) Основные показатели деятельности отраслей экономики Сыктывкара: Статистический бюллетень. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2000; (5) Республика Коми в экономике России: Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2003.

Таблица В

Динамика социальной ситуации по странам в сравнении, %

	1990 г.	2000 г.
<i>Доля женщин среди занятых в экономике, %</i>		
Коми	50	46
Россия	48	48
Германия	40	44
Аргентина	34	40
<i>Доля мужчин и женщин среди занятых в промышленности, % (в скобках данные по женщинам)</i>		
Коми	68 (34)	49 (20)
Россия	--	36 (22)
Германия	52 (26)	46 (18)
Аргентина	40 (19)	31 (10)
<i>Доля мужчин и женщин среди занятых в сфере услуг, % (в скобках данные по женщинам)</i>		
Коми	27 (60)	46 (76)
Россия	--	49 (67)
Германия	44 (70)	51 (80)
Аргентина	58 (80)	67 (89)
<i>Уровень безработицы среди мужчин и женщин (в скобках), %</i>		
Коми	3,3 (3,9)	12,7 (12,4)
Россия	5,2 (5,2)	10,2 (9,4)
Германия	4,5 (7,0)	7,5 (8,1)
Аргентина	7,3 (7,3)	14,1 (16,4)

Источники:

Статистические данные Всемирного банка <http://devdata.worldbank.org/genderstats>. Данные по Республике Коми приведены по: Колегов 2008.

Таблица С

Динамика уровня бедности по странам в 2002, %

	ЕС, 15 стран*	Германия*	Швеция*	Россия
<i>Уровень бедности до социальных трансфертов</i>	25	21	29	н.д
<i>Уровень крайней бедности, 2002</i>	5	3	2	9
занятых	6	4	4	53
самозанятых	16	5	24	2
безработных	38	34	19	28
пенсионеров	17	13	16	17
<i>Уровень бедности после социальных трансфертов</i>	15	11	11	19

* Данные приводятся по: Dennis and Guio 2004.

** Результаты ежегодного опроса населения в США (Current Population Survey) www.census.gov/hhes/www/poverty/detailedpovtabs.html

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бедность в России. 1998. *Бедность в России. Государственная политика и реакция населения*. Под ред. Джени Кругман. Вашингтон: Всемирный Банк.
- Бедность и гордость. 2006. Бедность и гордость. Резюме обсуждения. www.polit.ru/author/2006/11/01/tez.html.
- Брейтуейт, Дженин. 1998. Старые и новые бедные России // *Бедность в России. Государственная политика и реакция населения* / Под ред. Джени Кругман. Вашингтон: Всемирный банк: 33-74.
- Буровой, Майкл. 1998. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом. Перевод с английского С.С. Ярошенко // *Рубеж* 10-11: 154-176.
- Всемирный банк в России. 2009. Доклад об экономике России. <http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/rer18rus.pdf>.
- Голикова, Татьяна. 2010. Татьяна Голикова: все социальные обязательства выполняются и будут выполняться в полном объеме. www.minzdravsoc.ru/videobank/38.
- Колегов, К. 2008. Социальная динамика рынка труда // *Социальные режимы постсоветского производства*. Сыктывкар: Коми научный центр УрО Российской АН. С. 3850.
- Можина, М.А., ред. 1994. *Бедность: взгляд ученых на проблему*. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН.
- Найшуль, Виталий. 2005. *Революция и справедливость*. М.: ОГИ.
- Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации за 2007 г. Министерство экономического развития и торговли РФ. www.budgetrf.ru/Publications/mert_new/2008/MERT_NEW20080209906/MERT_NEW20080209906_000.htm.
- Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 г. М.: Минэкономразвития РФ, 2010. <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring/>
- Овчарова, Л. 2007. Восстановительный рост доходов населения: эффекты экономического роста и социальной политики // *Человек и труд* 11-12: 33-36.
- Сидорова, В.А. 2004. Влияние адресной социальной помощи на изменение уровня, глубины и остроты бедности // *Социс* 7: 83-94.
- СССР в цифрах в 1987 г.: Краткий статистический сборник Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1988.
- Тихонова, Н.Е. 2003. *Феномен городской бедности в современной России*. М.: Летний сад.
- Ярошенко, С. 2005. *Бедность в постсоциалистической России*. Сыктывкар: Коми научный центр УрО Российской АН.
- Ярошенко, С. 1994. Синдром бедности // *Социологический журнал* 2: 43-51.
- Ярошенко, С. 2004. Северное село в режиме социального исключения // *Социс* 7: 7182.
- Ярошенко, С., Омельченко, Е. 2008. Положение рабочих // *Социальные режимы постсоветского производства*. Сыктывкар: Коми научный центр УрО Российской АН. С. 102127.
- Ashwin, Sarah (ed.) 2006. *Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behaviour*. London: Routledge.
- Bourdieu, Pierre. 1991. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Harvard University Press.
- Braithwaite, Jeanine. 1999. *Russia: Targeting and the Longer Term Poor*. Washington, DC: The World Bank.
- Burawoy, Michael. 1998. The Extended Case Method // *Sociological Theory* 16(1):433.
- Burawoy, Michael, Pavel Krotov, and Tatyana Lytkina. 2000. Domestic involution: How women organize survival in a North Russian City // *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* / Edited by Victoria Bonnell and George Breslauer. Boulder: Westview Press:231-261.
- Dean, Mitchell. 1991. *The Constitution of Poverty. Toward a Genealogy of Liberal Governance*. London: Routledge.
- Dennis, Ian, and Anne-Catherine Guio. 2004. Poverty and Social Exclusion in the EU // *Statistics in Focus. Population and Social Conditions* 16. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-NK-04-016/EN/KS-NK-04-016-EN.PDF

- Edin, Kathryn, and Laura Lein. 1997. *Making Ends Meet. How Single Mothers Survive Welfare and Low-Wage Work*. New York: Russell Sage Foundation.
- Emigh, Rebecca Jean, and Iván Szelenyi (eds.). 2001. *Poverty, Ethnicity and Gender in Eastern Europe during the Market Transition*. London: Praeger.
- Emigh, Rebecca Jean, Eva Fodor, and Iván Szelenyi. 1999. *The Racialization and Feminization of Poverty during the Market Transition*. EUI Working Paper RSC No. 99/10.
- Hochschild, Arlie. 2005. The Chauffeur's Dilemma. // *The American Prospect*. June 19. www.prospect.org/cs/articles?article=the_chauffeurs_dilemma.
- Katz, Jack. 1983. A Theory of Qualitative Methodology: The Social System of Analytical Fieldwork // *Contemporary Field Research* / edited by Robert Emerson. Prospect Heights, Illinois: Waveland Press:127-148.
- Kazemipur, Abdolmohammed, and Shiva S. Hall. 2001. Immigrants and "New Poverty": The Case of Canada // *International Immigration Review* 35(4):1129-1156.
- Korzenievich, Roberto Patricio, and William C. Smith. 2000. Poverty, Inequality and Growth in Latin America: Searching for the High Road to Globalization // *Latin America Research Review* 35(3): 754.
- McAuley, Alistair. 1979. *Economic Welfare in the Soviet Union. Poverty, Living Standards and Inequality*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Moller, Stephanie, Evelyne Huber, John D. Stephens, David Bradley, François Nielsen. 2003. Determinants of Relative Poverty in Advanced Capitalist Democracies // *American Sociological Review* 68(1):22-51.
- Nelson, Margaret K., and Joan Smith. 1999. *Working Hard and Making Do. Surviving in Small Town America*. Berkeley: University of California Press.
- Piirainen, Timo 1997. *Towards a New Social Order in Russia. Transforming Structures in Everyday Life*. Aldershot: Dartmouth.
- Polanyi, Karl. 1957. *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press.
- Portes, Alejandro, and Kelly Hoffman. 2003. Latin American Class Structures: Their Composition and Change during the Neoliberal Era // *Latin America Research Review* 38(1):41-82.
- Rimashevskaya, N.M. 1998. *Family Well-Being and Health. Project "Taganrog-3.5"*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Socio-Economic Studies of Population.
- Shaban, Radwan et al. 2006. *Reducing Poverty through Growth and Social Policy Reform in Russia*. Washington: The International Bank for Reconstruction and Development; The World Bank.
- Szelenyi, Iván. 1978. Social Inequalities in State Socialist Redistributive Economies // *International Journal of Comparative Sociology* 19:63-87.
- Szelenyi I., and J. Ladanyi. 2000. *Poverty and Social Structure in Transitional Societies*. Yale University: Center for Comparative Studies, Draft. September/December.
- Weber, Max. 1978. The Belief in Common Ethnicity // *Economy and Society*. Vol. 1 / Edited by Guenther Roth and Claus Wittich. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. P. 387-393.
- Yaroshenko, Svetlana, et al. 2006. Gender Differences in Employment Behavior in Russia's New Labour Market // *Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behaviour* / edited by Sarah Ashwin. London: Routledge:134-163.
- Yaroshenko, Svetlana. 2006. Russian Poor on Welfare after Socialism: Going Up and Moving Down. Unpublished conference paper, *Transformation of Social Inequalities and Welfare Development in Central and Eastern Europe*. International conference, September 21-23. Saint Petersburg.